

るて愛
いし

Аэтеллон:

ЖАТВА

Алексей Венитиади Константинович

ЛЮБЛЮ

Алексей Венитиади

Аэтеллон: Жатва

«Автор»

2026

Венитиади А.

Аэтеллон: Жатва / А. Венитиади — «Автор», 2026

Что бы ты сделал, если бы бессмертие стало твоим проклятием? Если бы каждое воскрешение стирало частицу тебя? Его лишили всего - даже имени. Превратили в подопытного клона, на котором белокрылая тварь оттачивала искусство боли. Он выжил чудом и поклялся: лично сдавит ей горло.

© Венитиади А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Венитиади Аэтеллон: Жатва

Пролог:

Они петляли в душных коридорах Аэтеллона. Стук сердца мешался с топотом ног - хаос звуков разносился под сводами, усиленный паникой. Пол уходил из-под ног, скользкий от свежей крови - бледные дорожки тянулись за ними по лабиринту, отмечая путь на безупречном мраморном полу.

Он - простой юноша с волосами цвета воронова крыла - тащим за запястье той, кого он видел впервые. Но забыть её было *невозможно*. Высокая, с совершенными чертами лица, она была подобна падшему ангелу, а два исполинских крыла за её спиной инстинктивно вздрагивали в такт бегу. Даже в этом ужасе от неё будто веяло королевским достоинством.

Её рана кровоточила, и вместе с кровью из него самого утекало самообладание. В груди юноши бился целый рой незваных, разношёрстных эмоций - страх за неё, ярость на преследователей, щемящая нежность.

Но сквозь это всё проступило нечто холодное, от чего невозможно было отмахнуться. Острое, как лезвие, *осознание*:

Он забыл **Имя**.

Нет, не её - её имени он ещё не знал, она оставалась безымянной богиней с крыльями.

Он потерял своё **собственное**.

Словно кто-то стёр главное слово, на котором держалась вся его личность.

И как только шум погони стал глуше, превратился в далёкий гул, они остановились, Она, желая оставить его одного - дабы защитить, холодно, как приговор, уронила: «Я пока задержу их. Беги!»

Она резко разжала пальцы. Его рука повисла в воздухе. Она жестом оттолкнула - и в аметистовых глазах сверкнул не просто огонь, а мольба, раскалённая добела: «Прошу, беги».

Ему пришлось оставить её...

С каждым шагом прочь, желание вернуться мутным маревом застилало рассудок, но он не сдавался.

А потом...

Обрыв.

Не просто пустота, а распахнутая пасть бездны. Край, граница, переступить которую можно, лишь вручив себя безумию. Или... просто иметь врожденное - крылья, которых не было.

Он обернулся. В глазах плескалась боль.

Там, за спиной, стояли они - Миллиры, солдаты Аэтеллонской Империи. Белые крылья, лёгкая броня, мерцающая, словно кварц, и направленное в грудь энерго-оружие...

«Хах, кажись, вот и сказочке моей - конец...» - пронеслось сквозь ворох раздробленных эмоций и мыслей.

Чужая рука уже почти коснулась плеча...

«А хер тебе, сука!»

Он прыгнул во тьму.

Тело ударилось о скальный выступ - тупая, кровавая отдача. Бездна швыряла его от стены к стене, как сломанную куклу. Кровь брызгами расцветала в воздухе...

А затем - последний удар. Выступающий камень погасил сознание, превратив затылок в кровавое месиво.

Глава 1:

Ночь густым дѣгтем залила ущелья каменных джунглей. Где-то там, внизу, просыпались мелкие огни - сначала робко, потом всё гуще, расцветивая планету ядовитой неоновой сыпью.

А далеко-далеко, в одном из бесчисленных муравейников-городов, на одной из тысяч одинаковых улиц, в одной из бетонных коробок, взрывались гневные крики:

«Да твою!..»

«Слышь, за базаром следи!»

«Да я ваш, блин, отец!»

Обыкновенная ночь каждого уважающего себя геймера. Только вот... Не все играют, чтобы просто «отвлечься». У этого человека, возможно, было **горе**.

В его квартире царил вечный сумрак. Шторы, намертво спаянные с карнизом, не пропускали даже намёка на солнечный свет. Мелкий мусор устилал путь от порога до кровати, а от кровати - грубой, протоптанной дорожкой тянулся к алтарю его существования, компьютеру.

Рядом, забытые, пылились вещи из другой жизни. Семейная фотография - треснутая, мутная от времени, лица превратились в неразличимые тени. На первый взгляд - силуэты счастливой семьи. На второй - обычный задрот, сжигающий жизнь впустую.

Теперь заглянем ещё глубже, на сам компьютерный стол. Казалось бы, святая святых любого мужчины, то место, что должно сиять чистотой... Но нет. И здесь возвышалась гора мусора, подпираемая батареей пустых банок из-под энергетика - шесть, может, больше.

«Да твою мать...» - сквозь зубы, сдавленно.

Это из-за игры?

Нет. Пока мы разглядывали эту берлогу, парень получил уведомление на телефоне:

*«Уважаемый *****, Мы благодарны за долгое сотрудничество с нами! К сожалению, по решению компании, вы отстраняетесь от работы. Просим выселиться с корпоративной квартиры до ** ***. Снова спасибо, что вы были с нами!»*

В его глазах полыхнула новая искра раздражительности - уже не игровая, а та, что обжигает горло чувством несправедливости.

Телефон улетел на кровать, он прошипел что-то под нос, достал ещё одну банку энергетика и залпом опрокинул её в себя.

Время споткнулось.

Замерло на полутакте. Воздух стал стеклянным - густым, режущим горло.

Каждый глоток энергетика растянулся в вечность, и каждая капля, падающая в желудок, отзывалась во всём теле нарастающим гулом. Реальность трещала по швам.

«Галлюцинации?..» — лениво подумалось ему.

Последняя капля. Время дёрнулось, восстанавливая ход.

Но он уже выпал из него. Темнота залила глаза быстрее, чем веки успели моргнуть. Тело стало ватным коконом, а кожа вспыхнула мириадами невидимых игл. Затем - боль. Чудовищная, хватающая за грудь, туда, где билось сердце. Живое. Молодое. Ещё не готовое умирать.

«Бам».

Падение.

Пол встретил его затѣкшим холодом. Тело выгнулось в короткой агонии, пальцы скребли мусор и затихли. Глаза, в которых отражался сизый свет монитора, начали тускнеть.

Искра за искрой.

«А может, это даже и к лучшему», - показалось ему...

И дальше тьма словно ответила...

Ответила яркой вспышкой в его глазах.

Глава 2:

И он открыл их. Два новых ока. И мир, ворвавшийся в них, был ошеломительно прекрасен.

Прямо перед лицом, заслоняя всё остальное, распахнулось исполинское белоснежное крыло. Каждое перо мерцало в призрачном свете, и первая мысль - ещё чистая, не замутнённая страхом, - была проста до глупости: «*Красивое*».

Он захотел коснуться. Рука дёрнулась - и не сдвинулась. Сталь сомкнулась на запястьях и лодыжках, холодная, непреступная. **Прикован к ложу.** Осознание поползло медленно...

А крыло обернулось.

Теперь перед ним стояла девушка - не просто красивая, а какая-то до жути совершенная. Аметистовые глаза, короткая стрижка, длинные заострённые уши. Научный халат, ниспадающий до пола. Лицо закрывала странная маска, оставлявшая только холодный блеск зрачков.

Степень осознанности достигла пика.

«А?..»

Он рванулся. Цепи лязгнули, впились в кожу.

«*Где я?!*» - голос сорвался на панический крик.

Но безымянная особа не слушала. Ни его движений, ни криков. Лишь белая бровь едва заметно дрогнула - раздражённо. Она что-то черкнула в планшете, спокойно, будто он был не пленником, а строчкой в отчёте, и направилась к стойке.

Вот тогда паника и взорвалась.

На стойке, аккуратно разложенные, ждали инструменты. Пилы с мелкими зубцами. Топоры. Ножи всех форм и размеров. Скальпели, выстроенные в ряд, точно камертон. Скланки с чем-то, дымящимся едким паром - кислота. И венец коллекции: огромная шипованная кувалда, тяжёлая, тупая, беспощадная.

Глаза расширились до боли. Сердце забилося птицей о рёбра. Дыхание вырвалось частыми, хриплыми гудками.

«*Стой...*» - выдохнул он мольбою.

Но она не слушала. С холодной, почти ритуальной неторопливостью она понесла стальное орудие к ложу, и каждый её шаг впрыскивал в его кровь новую порцию жгучего адреналина.

«*Стой. Ты же не собираешься?..*» - голос дал трещину.

Она шагала. Невозмутимо. Неумолимо. Белый халат колыхался в такт шагам.

Один шаг.

Два шага.

«*Эй! Если ты хотела меня напугать - у тебя охеренно вышло! Слышишь? Просто ОХЕ-РЕ-ННО!*»

Три шага.

«*Нет, прошу! Я найду работу, я заплачу! Я дам всё, только сохрани мне жи...*»

Слово оборвалось на полу слоге. Не потому, что она ударила, нет. Просто перед внутренним взором вспыхнула та самая вспышка. Его квартира. Грязный пол. Собственное тело, рухнувшее среди мусора. И мысль - тихая, но какая, сука, предательская: «*А может, оно и к лучшему...*»

Он сам тогда отпустил жизнь. А теперь - теперь понял, что ошибся.

Она подняла кувалду. Мышцы напряглись под тканью халата.

«*Нет... Я всё-таки хочу жи...*»

Удар.

Сталь обрушилась на череп, и мысль лопнула, не долетев до конца. Брызги разлетелись по стерильной белизне, добавив сей картине мёртвую, в прямом смысле, тишину...

Глава 3:

Треск.

Вспышка.

Свет был первым, что он почувствовал. Затем - воздух: колючий, спёртый, он ворвался в грудь, и тело ответило криком. Протяжным. Звериным.

— А?.. А-а!..

Лёгкие горели. Сердце молотило где-то в горле. А потом, сквозь пелену шока, пробились мысль:

«Я жив?!»

Смех. Короткий, надтреснутый, почти рыдание.

— Ха-ха...

Комната не изменилась. Те же цепи. Тот же стол. Но теперь каждый нерв звенел сигналом тревоги. «Убирайся. Сейчас». Он дёрнулся - оковы лишь сильнее вгрызлись в плоть. Ни шанса.

Взгляд заскользил по углам, хватаясь за любой намёк на спасение. Тщетно. И сквозь эту безнадегу прорезался шёпот:

— Я всего рот ***...

На миг ему показалось, что можно дышать со спокойной душой. Что, может быть, она не вернётся.

И тогда она вошла.

Та самая. Убийца. Виновница. И всё человеческое, что ещё теплилось в нём, исчезло разом. На его место пришёл животный страх - древний, липкий, не знающий слов. Мысли превратились в мат, вязкий и беспомощный. Тело забилося, зашлось дрожью. Крики хлынули наружу - уже не осмысленные, а такие же рефлекторные, как агония.

Зрачки его стали с бусинку, и в них не осталось ничего, кроме ужаса.

Но она снова не удостоила его и взглядом. Для неё он был пустым местом. Пальцы пробежались по планшету, и лишь на секунду бровь дёрнулась. **Раздражение.**

А потом он увидел это. Ухмылку. Злую. Медленную. От неё запахло наслаждением чужой болью - тем особым, липким удовольствием, что дарит власть. Контроль над жизнью. Над его жизнью.

Её рука поплыла к новому оружию. Маленький ножик. Обычный. Почти интимный в своей простоте.

Треск.

Он не сразу понял, что это - **его собственные пальцы**. От животного напряжения они сломались, не выдержав. Он зажмурился до искр и взмолился - любым богам, любым силам, лишь бы это было сном. Лишь бы проснуться в своей квартире, среди мусора и пустых банок.

Открыл глаза.

Удивление затопило разум. Новый объект страха, и страх этот был другого сорта.

Теперь их было двое. Похожих, как две капли воды, и всё же разных. У второй - выше рост, длинные волосы, струящиеся по плечам. Взгляд - холодный, оценивающий, пронзающий насквозь. И... заметная грудь, которую его паникующий разум отметил с почти комичной неуместностью.

«*Да куда, ***...*» — пронеслось в голове.

А затем он увидел то, от чего мысли замерли. Его мучительница - та, что разможила ему череп, опустила на колено. Перед новой особой. И впервые за всё время заговорила:

— Госпожа, образец стабилен.

— Хорошо, — ответ прозвучал кратко, но голос был другим: глубоким, властным, обволакивающим.

Её глаза сразу устремились на него. И естественно, он запаниковал. Какие только фантазии не рождаются в маленькой, по сравнению с ними, голове, когда тебя буквально совсем недавно превратили в фарш?

— Можешь идти, Кассия.

— Да.

Садистка вышла, и в комнате остались только двое. Он - и новое лицо. Паника нарастала, и каждый её шаг отдавался в груди колокольным звоном. Когда она подошла вплотную, он уже готов был закричать...

Но она прикоснулась к его щеке. Ладонь легла мягко - на первый взгляд, почти с нежностью. А затем рука деловито скользнула к глазам, проверяя зрачки.

Тишина.

И странное дело - дышать стало легче. Что-то в этой женщине гасило панику, как мокрое одеяло гасит огонь. Аура. Совсем иная. Другая. Почти... сострадательная? Он не был уверен, что правильно понимает это слово, но ничего точнее не находилось.

Пока она возилась с осмотром, он впервые за всё время позволил себе рассмотреть её. Не дёргаясь. Не вжимаясь в ложе. Спокойно. Почти с любопытством.

Два мира. Абсолютно несовместимых. В голове не укладывалось: та, первая, вдыхала его страх, как наркотик. А эта... эта, кажется, просто делала свою работу. Ничего не понималось. Факты рассыпались, а логика пошла к чёрту.

Единственное, что он осознал со стопроцентной уверенностью: она другая. Не безумная. Он даже проникся к ней симпатией - рождённой не разумом, а измученным телом. Позволил себе подумать: «Ну всё. Вот и настал мой звездный час, щас она меня освобо...».

Облом.

Она ушла. И вместе с ней ушла эта аура - тёплая, почти живая. Остался только холод лаборатории, сталь на запястьях и тишина.

Глава 4:

Остался только Ад.

Его не трогали. Ждали. Пока не придёт Кассия.

Сколько времени? Сколько он здесь?

Вопросы, утратившие вес.

Ему отрывали руки - раз за разом. Выдавливали глазницы - раз за разом. Заставляли пить кислоту - и она текла огнём по глотке, и он захлёбывался ею...

Больно.

Очень больно.

В голове - звон. Густой, жестяной, непрекращающийся. Гул переполненных чувств, в котором утонуло всё его человеческое. Осталось только одно.

Ненависть.

Злость.

Желание сдавить этой суке горло. Ей. Той, что каждый долбаный день дарит «адское удовольствие» и смеётся. **Мерзко, влажно, с наслаждением.**

«Я тебя убью».

«Придушу».

«Лично разорву твоё тело».

Пустые угрозы. Всё, что у него осталось.

Она не убивала. Специально. Подводила к краю, заглядывала в глаза - и отпускала. Доводила до предела. И он ненавидел её за это с такой силой, что ненависть стала его дыханием.

Вопросы «кто?», «откуда?», «где?» он выбросил. Сложил в дальний угол сознания, как ненужный хлам. Сейчас имело значение только одно: когда-нибудь он встанет с этого ложа.

И тогда -

«Я тебя убью».

Но даже в Аду есть фальшивый проблеск надежды.

В перерывах, когда стихали шаги Кассии и звон инструментов, он иногда видел её. Не мучительницу - другую. Ту, что дарила тепло. Так он верил. Так он заставлял себя верить. От неё веяло спокойствием - неуместным в этом месте...

Она всегда была далеко. Не приближалась. Лишь на несколько секунд его зрачки ловили её лицо - строгое, но не жестокое. Они встречались взглядами. В его глазах горело отчаяние.

В её - тень сострадания. Или, может быть, просто усталость? Он не хотел знать.

Но был случай. Один-единственный. Их взгляды задержались дольше обычного. На долю секунды. **На маленькую вечность.**

Время остановилось. Может, от потери крови - она сочилась из него постоянно. Может оттого, что он медленно сходил с ума, а безумие имеет свойство растягивать мгновения. Но оно встало. Замерло.

И тогда в аду заиграл незаметный лучик солнца.

Никто, кроме него, его не увидел. Никто не заметил. Но этого лучика хватило, чтобы прожить ещё один день.

Глава 5:

Взрыв. Где-то рядом дрогнули стены.

Грохот. Короткая пауза.

Ещё один взрыв, уже ближе.

А за ним выстрелы. Частые, сухие. И сирена: протяжная, надрывная.

Он пришёл в себя резко, словно вынырнул из глубины. Глаза обшарили комнату.

«Что это?»

Дверь распахнулась и влетела она. Госпожа. На первый взгляд, невозмутимая, как всегда. Но в резкости движений, и в том, как быстро она метнулась к одному из источников света, дабы отключить, читалась тревога. Комната погрузилась в сумрак. Платье её было в бледной крови.

Тени сгустились, и она ушла в них так естественно, будто сама была соткана из мрака. Лишь глаза блеснули из угла.

«Эй, что происходит?!» — шёпот, но и он показался оглушительным.

— Тихо. — В её голосе лязгнула сталь.

Вошли двое. Медленно. Осторожно. Золотая броня - тяжёлая, явно крепкая, переливалась в полумраке. Чёрные вставки делали их похожими на ос, опасных и собранных. Они не говорили - только жесты, отточенные, как военный язык. Осматривали помещение. Один прямо. Другой за спину первому. Знали, кого ищут.

«Ну нифига себе».

Ситуация патовая. Он чувствовал это каждой клеткой. *«Что делать?»*

Они пришли за ней. Но что она совершила? Как Госпожа, способная приказать сумасшедшей садистке лизать пол, оказалась в роли беглянки?

Солдаты приближались к её углу. Слишком близко. И тогда он поймал её взгляд. Сквозь тени, сквозь полумрак. В этих аметистовых глазах проступило: *«Как же... неудобно».*

И его словно замкнуло. Мысль - быстрая, как вспышка: *«Ладно, я всё понял. Не смотри на меня так».*

— ЭЙ, ПРИДУРКИ!

Оба развернулись на голос. Резко. Руки легли на оружие.

— А Я ВАШУ МАМУ...

Понеслось. Всё, что копилось дни и ночи в этом Аду. Каждая попытка, каждый смешок Кассии, каждый сломанный палец - он выкрикивал это им в лица. Оскорбления текли рекой, грязной и вдохновенной. Казалось, ему дали микрофон в самое пекло.

Служителям закона это не понравилось.

Кажется, они его отлично поняли.

Фатальная ошибка. Они позволили гневу затуманить разум. Забыли о задаче. Забыли, с кем имеют дело.

И этого хватило.

Бывшая Госпожа вышла из тени, как стукот мрака, обретший форму. Два движения - молниеносных, хирургически точных. Хруст. Влажный всхлип. И глотки солдат расцвели бледной кровью. Ни крика. Ни борьбы. Только тела, оседающие на пол, и звон брони о камень.

«*О, мило*», — пронеслось в голове. Удивить его было трудно. Кассия творила с его телом вещи куда изобретательнее. Ещё легко отделались.

«*А хотя, нихера не мило*», — поправил он себя мгновением позже, когда она повернулась к нему. Рука, только что убившая двоих, блестела от крови. И двигалась она в его сторону.

Он напрягся. Сердце пропустило удар. Но вместо боли - лязг. Цепи, привычные, ненавистные, звякнули, осыпаясь с запястий и лодыжек.

«А?..»

Он смотрел на неё. Она – на него.

— Бежим, — бросила она.

Глава 6:

Где-то глубоко под водой, в зеленоватом безмолвии, куски его тела неторопливо срастались - кость к кости, жила к жиле, пока река не подхватила его и не выплеснула на берег.

Очнулся он под раннее утро. Голова трещала так, будто внутри черепа всё ещё металось эхо далёкой сирены. Он зажмурился, сжал виски и выдохнул сквозь зубы:

— А-я-я-я-я-й...

Вокруг дышал лес. Река катила мимо щепки и клочья тумана. Берег был пуст. Никаких стен. Никаких цепей. Занесло его, кажется, в такую глушь, что даже птицы пели с опаской.

«*А она...?*»

Осознанность возвращалась толчками. Он приподнялся на локтях, обшарил глазами кромку леса, камни, воду.

Спасительница. Та, что вытащила его из Ада. Ни следа. Ни тени.

С грустью, неожиданно острой, он выдохнул:

— Понятно.

Сел. Долго смотрел, как река несёт мимо ветку.

— Значит, теперь я наконец-то один?

— Звездец...

Посидел ещё. Потом поднялся, размял ноги, прошёлся по берегу.

Но вдруг:

Бру-ру-ру-ру.

Живот заурчал низко и требовательно.

— АААААААААА!!! — заорал он в небо, спугнув стайку птиц. Не от боли - от раздражения.

— Проблема за проблемой... Да как же меня всё это...

Бру-ру-ру-ру.

— Да понял я! — рявкнул он собственному животу. — Не находиться мне здесь же всю жизнь...

Он вдохнул глубже, оглядел лес уже спокойнее.

Решение пришло быстро: лес. Во-первых, там могло найтись что-то съестное. Во-вторых, под кронами меньше шансов, что его заметит одна садистка. Он ещё раз оглядел пустой берег и шагнул под сень деревьев.

Лучше сдохну в лесу, чем снова встречу с той сукой, — буркнул он себе под нос.

Куст с ягодами нашёлся почти сразу - низкий, усыпанный тёмно-синими бусинами. Он обворовал его в считанные минуты, глотая почти не жуя. Сок тёк по подбородку, кисло-сладкий, живой. И только когда пальцы сжали последнюю ягоду, до него вдруг дошло.

«Стоп. Этот мир... он похож на мой».

Лес был обычным. Сосны, мох, папоротники. Ничего инопланетного. Он даже позволил себе расслабиться - ровно до того момента, пока солнце не скатилось за горизонт и небо не раскрылось над ним во всю глубину.

Звёзды. Многочисленные, колючие, они выстраивались в созвездия, которых он никогда не видел. А луны... или, может, планеты? Их было около десяти - разных размеров, одни бледные и далёкие, другие огромные, с различимыми кольцами и тенями. Все они висели над головой, как чужие глаза, разглядывающие непрошеного гостя.

«Красота...» — выдохнул он, задрал голову. А потом, уже тише: — Ладно. Это подтверждает: я в другом мире.

Ночевать пришлось на куче опавших листьев. Без огня. Почти без одежды - только тряпье, которое и одеждой-то не назвать. Холод пробирался под кожу медленно, но упорно. Голод никуда не ушёл, только притих. Он ворочался, дрожал, проваливался в дрему и снова выныривал. И когда, казалось, пришли первые нормальные сны, его слух резанул шорох. Множественный. И, кажется, животный.

Он вскочил раньше, чем успел испугаться. Глаза заметались по чаще.

«Вроде... ничего».

И тогда из теней выступили они. Стая. Белые - неестественно, ослепительно белые. Размерами намного больше волков его родного мира. В их движениях читалась не просто звериная грация, а что-то древнее, холодное. Красивое - и смертоносное.

«Сука».

Дальше - только бег. Он нёсся сквозь кусты, не чувствуя веток, хлеставших по лицу. Перепрыгивал коряги, огибал стволы, летел быстрее, чем когда-либо в жизни. Позади - тяжёлое дыхание и дробный перестук лап. Один. Огромная херовина под названием волк мчался за ним, не отставая.

«Ну хотя бы не стаей...» — мелькнула мысль, и он почти усмехнулся.

Адреналин был уже привычкой. Тело работало как отлаженный механизм: он буквально просачивался сквозь деревья, ловкие ноги несли его дальше, дальше, туда, где, может быть, ждало спасение.

Солнце снова показалось на горизонте. Где-то позади остался волк: то ли отстал, то ли нашёл добычу попроще.

А он всё бежал. Ноги гудели, в голове бился бессвязный мат - на жизнь, на этот мир, на всё сразу.

А потом впереди мелькнул свет. *«Выход»*, пронеслась единственная связная мысль, и он рванулся туда, раздирая последние ветки.

Лес кончился.

Он вылетел на огромное поле, залитое утренним солнцем, и ноги подкосились. Обернуться хватило сил: сзади никого. Ни белой шерсти, ни серебряных глаз. Он рухнул лицом в траву, вдохнул запах земли и выдохнул:

— Кажется, в аду из моего мира спокойнее, чем здесь.

Приподнял голову. И замер.

Перед ним стояли чьи-то ноги. Стройные. Длинные. А выше...

«Сиськи?»

«Чего?»

Приподнялся ещё немного. Девушка. Стоит, смотрит на него сверху вниз. Лица не разобрать - солнце светило прямо за её спиной. Показывался только её тёмный силуэт...

«Я уже совсем сошёл с ума, да?» — успел подумать он.

А потом темнота.

Глава 7:

Огонь в камине трещал, вздыхал, выплёскивал искры. Деревянные стены впитывали тепло, и в комнате разливался тот особый домашний уют.

Хозяйка - совсем ещё юная, с плавными движениями и сосредоточенным лицом, заканчивала готовить. Ложка звякнула о край чаши, и она подошла к тюфяку, где он лежал.

«Ммм...»

«Маммааа...»

«Ммм...»

Его веки дрогнули. Сознание возвращалось медленно, как сквозь толщу воды. Сначала - тепло. Потом - вкус. Бульон. Горячий, наваристый. И чья-то рука под подбородком.

«М?»

«Ох, нихерасе».

Он не пошевелился. Просто смотрел сквозь ресницы. Девушка в сарафане, русоволосая, черноглазая, кормила его с такой простотой, будто это было самым обычным делом. Она не замечала его взгляда - и он пользовался этим. Рассматривал. Длинные волосы убраны за плечи. Руки крепкие, но движения нежные. От неё пахло травами, очагом, заботой. Этим запахом можно было опьянеть.

Глаза сами скользнули вниз.

«Хе-хе-хе», — отозвался в голове слабый, почти счастливый смешок.

Когда чаша опустела, она вышла.

Дверь скрипнула и закрылась.

И только тогда он по-настоящему проснулся. Резко. До мурашек. Это не сон. Он в чужом доме, в чужом мире, его только что кормила с ложечки незнакомая девушка. И он жив.

Он сел, сжал виски, пытаясь унять гул в голове, ведь всё это буквально:

«Удача», — подумал он.

Обхватил колени, уткнулся лицом в простыню.

— АААААААААА!!! — глухой крик в ткань.

Отдышался. Обвёл глазами комнату. Стол, стулья, глиняные горшочки, травы. Десятки трав развешанных, разложенных, источающих запахи. Мята. Шалфей. Что-то горькое, незнакомое. Всё это было реальным. Слишком реальным.

Он заговорил тихо, чтобы слышать собственный голос.

— Ну почему в моей жизни нет ни минуты покоя?

— Неужели она... сама дотащила меня сюда...

— Столько событий...

Он перевёл взгляд на окно - маленькое, мутноватое, рядом с тюфяком. За ним стоял густой лес. Чужой. Молчаливый.

— Ничерта не понимаю.

— Кто я вообще?

Он прищурился и стал вглядываться в своё отражение. Оттуда, из мутного стекла, на него смотрел кто-то другой. Вроде лицо его, и не его одновременно. Незнакомое.

— Та-а-а-ак. Давай по порядку. Я - это я. Но кто я? Я родился... где? Так, хорошо, я жил... Ай, к чёрту! Что я вообще помню?! Какого хрена я ничего не помню из своей прошлой жизни?! А может, у меня её совсем не было?! Может, я просто сам по себе сумасшедший?!

Он перевёл дыхание. Голос сорвался на хрип.

— Меня это всё уже раздражает. Какого хрена?!

— Хорошо! Да! Я вас понял. Я знаю, что я понял. Меня никто не спасал, и на самом деле я муж этой красотки, что поила меня...

Он увидел, как его лицо в отражении скорчилось.

Жалкое зрелище.

— Да нет. Когда с ума сходят, сцены же не могут быть такими... детальными, правда?

— Хорошо. Если я и не сошёл с ума... И если всё, что было, считать чистой правдой...

— То...

Он уткнулся лбом в стену. Холодную, шершавую.

— То получается, с ней могло что-то произойти, да? Она спасла меня ценой своей жизни... Но зачем? Неужто она влюб...

Он ударил себя по голове - не сильно, но ощутимо.

— А-а-а! Хрен его знает! Пошло оно всё к чёрту! Будь что будет!

Дверь тихо заскрипела.

«А?»

На пороге стояла она, та самая девушка. В руках, с трудом удерживая, она несла ведро, полное чистой воды. Вода плескалась о края, несколько капель сорвались на пол. Он увидел, как напряглись её руки, и тут же подорвался с тюфяка.

— Я помогу...

— А-а-а! — вскрикнула она и сжалась, втянув голову в плечи. Вода плеснула сильнее.

Он замер на полушаге. *«Ну, вариант того, что я её муж или знакомый, отпадает сразу»*, — пронеслось в голове.

— Я... помочь хотел... Ведро тяжёлое же...

Она чуть приоткрыла испуганные глаза - чёрные, блестящие, посмотрела на ведро, потом на него. Взгляд был осторожным, как у лесного зверька.

— Я... сама...

И только тогда он заметил. Она была очень миниатюрной. Ростом ему по плечи, а то и ниже. Тонкая, как тростинка, и, кажется, ведро весило едва ли не больше её самой.

Он медленно, стараясь не делать резких движений, опустился обратно на тюфяк.

«Ну, в принципе, я бы тоже напугался...» — подумал он.

Ему стало чутка стыдно.

Он сомкнул колени, стараясь занимать как можно меньше места.

— Простите, что напугал...

Она не подняла глаз. Тонкие пальцы теребили край сарафана.

— Ничего... Я рада, что вы очнулись.

Голос у неё был тихий, почти прозрачный. Он прокашлялся.

— Эм... А можно узнать, где я?

— Ну... В моём доме...

Он выждал паузу. Она не продолжила.

«А по-конкретнее?!» — мысленно взвыл он, но вслух сказал мягче:

— Я имею в виду, где вообще нахожусь? Что это за место?

— А... Ну... В деревне...

«Ты прикалываешься, да?»

Он сжал переносицу. Дыши. Она просто стесняется. Не надо её пугать.

— Понятно... Пу-пу-пу...

Он сам не заметил, как это вырвалось: глупое, бессмысленное бормотание, чтобы заполнить паузу. Девушка вскинула голову и посмотрела на него - впервые прямо. В глазах читалось искреннее недоумение.

«*Пу-пу-пу?*» — повторила она про себя, и бровь чуть дрогнула.

«*Кажется, теперь на меня точно будут смотреть как на сумасшедшего.*»

Он глубоко вздохнул и решил, что хватит ходить вокруг да около. В конце концов, кто здесь взрослый?

— Как я понимаю, вы девушка стеснительная... Поэтому начнём с простого. Можно узнать ваше имя?

— София... — она произнесла это почти шёпотом. Он едва расслышал.

— Красивое имя.

— Спасибо... — она помолчала, накручивая прядь волос. — А ваше?

— А моё...

Он замер. Сердце стукнуло где-то в горле. Имя. У него нет имени. Он не помнил. Совсем. Даже первую букву. Всё, что он знал о себе, было сплошным кошмаром, и вывалить это на неё сейчас - значило бы сломать между ними хрупкий мостик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.